

**Николай Иванович Пирогов. Очерк его
общественной деятельности как профессора,
врача-хирурга, писателя и педагога**

С 24-ого мая 1831 г. по 24 мая 1881 г.

УДК 61
ББК 5
Н63

Н63 Николай Иванович Пирогов. Очерк его общественной деятельности как профессора, врача-хирурга, писателя и педагога:
С 24-ого мая 1831 г. по 24 мая 1881 г. / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 50 с.

ISBN 978-5-458-61030-8

ISBN 978-5-458-61030-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

избранъ графомъ С. Г. Строгановымъ, бывший университетскій товарищъ его, Пирогова, Иноземцевъ. Описывая свое тяжкое положеніе, съ горечью думая о тщетѣ юношескихъ надеждъ и мечтаній, Николай Ивановичъ, въ письмѣ, адресованномъ имъ, въ то время, къ одному изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, сѣтуя на свое положеніе, такъ охарактеризовалъ его:

„А я, москвичъ, остался на бобахъ и на госпитальной койкѣ!“ Не долго однако продолжалось это томительное положеніе нашего молодого ученаго,—будущаго свѣтилы русской хирургіи.

Во время своего пятилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, Пироговъ изъ всѣхъ русскихъ молодыхъ людей, бывшихъ его сверстниками и посланныхъ правительствомъ въ Дерптъ для усовершенствованія, обратилъ на себя особенное вниманіе членовъ медицинскаго факультета. Въ Дерптѣ память о Пироговѣ долгое время жила традиціонно и между учащимися; не смотря на особенности этого университета и на то, что Дерптъ, въ то отдаленное уже отъ насъ время, жилъ своеобразною, нѣмецкою жизнью, Дерптскій же университетъ, въ особенности медицинскій факультетъ его, считалъ въ своей средѣ ученыхъ профессоровъ, пользовавшихся громадною европейскою извѣстностью; къ чести факультета и всего университета, слѣдуетъ сказать, что изъ всѣхъ русскихъ университетовъ именно этотъ послѣдній сумѣлъ оцѣнить, по достоинству, дарованія и способности молодого русскаго ученаго. И только благодаря самому себѣ, своимъ неустойчивымъ трудамъ, знанію и таланту, Пироговъ съ печальной койки рижскаго военнаго госпиталя, по предложенію его бывшаго знаменитаго учителя, въ послѣдствіи ректора дерптскаго университета, Мойера, былъ приглашенъ занять кафедру хирургіи.

Фактъ этотъ, самъ по себѣ, весьма поучительный, получаетъ еще болѣе глубокое значеніе, если принять во вниманіе, что дерптскій университетъ, на подобіе всѣхъ германскихъ университетовъ, не можетъ нуждаться въ ученыхъ силахъ для комплектованія ихъ, въ случаѣ надобности, имѣя право приглашать изъ заграницы ученыхъ профессоровъ, пользующихся наибольшею извѣстностью. Слѣдуетъ, посему, не безъ основанія, предположить, что въ описываемую нами эпоху, на призывъ дерптскаго университета могли бы отозваться ученые хирурги Германіи, страны, какъ извѣстно, издавна стоявшей на высокой степени культурнаго развитія. Появленіе на кафедрѣ хирургіи, послѣ знаменитаго Мойера,

молодаго, 26-ти лѣтнаго, профессора произвело среди нѣмецкихъ ученыхъ и дерптской публики не мало впечатлѣнія. Въ аудиторіяхъ, въ анатомическомъ театрѣ собирались слушатели не только медицинскаго, но и другихъ факультетовъ. Въ диво было студентамъ-нѣмцамъ слушать съ высоты кафедры русскаго ученаго, сообщавшаго имъ, въ талантливомъ и глубоко научномъ изложеніи, на ихъ родномъ языкѣ, великія завоеванія именно въ той отрасли медицинскихъ зданій, въ которой требуется не догматическое лишь, сухое, изложеніе, а громадныя научныя знанія и искусство, для всѣхъ одинаково видимыя и понятныя.

Посвящая ежедневно восемь часовъ для занятія въ клиникѣ, аудиторіи и въ анатомическомъ театрѣ, Николай Ивановичъ въ періодъ времени съ 1836 по 1840 г., издалъ слѣдующіе замѣчательные ученые труды свои:

1. „Anatomia chirurgica truncorum arteriarum atque fasciarum fibrosum“. Atlas F. I. Dorp. 1837.

2. „Ueber die Durchschneidung der Achillessehne als operativ-orthopädisches Heilmittel.“ (Mit. 7 Taf.) Dorpat, 4. 1840. I.

3. „Chirurgische Anatomie der Arterienstämme und der Fascien“. Dorpat. 1840. I.

Въ 1837 г., вскорѣ послѣ изданія его перваго труда, именно: „Хирургической анатоміи фасціи и артерій“, о которомъ упомянуто выше, Николай Ивановичъ былъ отправленъ Дерптскимъ университетомъ въ Парижъ, откуда онъ привезъ необыкновенно лестные отзывы объ его ученыхъ трудахъ знаменитаго хирурга Вельпѣ. Преданіе гласитъ, что когда Николай Ивановичъ представился этому свѣтилѣ Парижской медицинской школы, то засталъ Вельпѣ разсматривающимъ атласъ, приложенный къ анатоміи фасціи и артерій, сочиненіе, за которое Николай Ивановичъ удостоенъ былъ, лишь впослѣдствіи, въ 1840 г. академіею наукъ Демидовской преміи. Когда Вельпо узналъ, что въ Парижъ Пирогова привело желаніе учиться у него, то съ живостью отвѣтилъ:

— „Вы застали меня за вашей анатоміей, не вамъ учиться у меня, а мнѣ у васъ“.

Въ 1840 г., Пироговъ вручилъ Клейнмихелю, назначенному тогда попечителемъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, проектъ объ учрежденіи въ Россіи госпитальныхъ клиникъ для оканчивающихъ курсъ и молодыхъ врачей. Проектъ этотъ

былъ принятъ и утвержденъ, и въ то же время Николай Ивановичъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для занятія въ медико-хирургической академіи кафедры госпитальной хирургіи при второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ и должности старшаго врача хирургическаго отдѣленія этого же госпиталя, съ правомъ принимать въ него и гражданскихъ больныхъ. Съ тѣхъ поръ, постепенно, и начали организоваться госпитальныя клиники и въ другихъ русскихъ университетахъ. Проектъ этой организаціи и выборъ лицъ составлялись въ особомъ комитетѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, при бывшемъ министрѣ Уваровѣ (тогда еще не графѣ), въ члены котораго былъ избранъ и Николай Ивановичъ Пироговъ.

Многотрудная дѣятельность и путь, усѣянный массою препятствій,—въ числѣ которыхъ узкія, бюрократическія, воззрѣнія на значеніе профессорской дѣятельности и на госпитальное дѣло, играли не послѣднюю роль,—выпало на долю Николая Ивановича съ появленіемъ его въ медико-хирургической академіи, въ качествѣ профессора хирургіи и старшаго врача хирургическаго отдѣленія военнаго госпиталя. Новая, освѣжающая, струя знанія и неутомимой дѣятельности, внесенная Пироговымъ въ пропитанныя міазмами стѣны втораго военно-сухопутнаго госпиталя, до такой степени ошеломила поборниковъ военно-госпитальной администраціи 1840-хъ годовъ, что тогдашній главный врачъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, на настойчивыя требованія объ улучшеніи гигиеническихъ условій госпиталя и существовавшихъ порядковъ относительно ухода, содержанія и продовольствія больныхъ,—серьезно заподозрилъ Пирогова въ помраченіи его умственныхъ способностей, о чемъ „конфиденціально“ и довелъ до свѣдѣнія бывшаго военнаго министра!... Вотъ что писалъ, въ 1871 г., по поводу существовавшихъ, за 30 лѣтъ предъ тѣмъ, порядковъ въ названномъ госпиталѣ, Пироговъ, въ предисловіи къ моей книгѣ: „Барачныя лазареты въ военное и мирное время“:

„Кто не видѣлъ собственными глазами, что значитъ леченіе сифилитиковъ въ госпиталѣ, устроенномъ по старой корридорной системѣ, тотъ, вѣрно, не повѣритъ въ наше время, что 30 ¹⁾

¹⁾ Слова эти были писаны въ 1871 г.

лѣтъ тому назадъ я засталъ во 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ цѣлыя палаты съ больными, страдавшими омертвеніями всѣхъ возможныхъ видовъ (дифтеритическими, цинготными, фунгозными) цѣлой передней стѣнки живота и проч.; кровотеченія, піемія и септикемія принадлежали тогда у сифилитиковъ къ ежедневнымъ явленіямъ, и это случалось у молодыхъ, здоровыхъ и крѣпко сложенныхъ гвардейцевъ“.

Не смотря на то, что завѣдываніе хирургическимъ отдѣленіемъ и веденіе госпитальной хирургической клиники поглощали все время Пирогова, онъ принялъ на себя чтеніе курса патологической анатоміи на трупахъ. Въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ своей неустанной профессорской дѣятельности Пироговъ издалъ шесть выпусковъ „Прикладной анатоміи“, съ атласомъ in folio, (изданіе это, вслѣдствіе банкротства книгопродавца Ольхина, къ сожалѣнію, не окончено) и „Атласъ анатоміи для судебныхъ врачей“, по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1845 г. Николай Ивановичъ внесъ проектъ въ конференцію медико-хирургической академіи объ учрежденіи анатомическаго института. Предложеніе это встрѣтило громадную оппозицію и проектъ его, не безъ жестокой борьбы, былъ, наконецъ, утвержденъ попечителемъ Веймарномъ, такъ что въ слѣдующемъ, 1846 г., Пироговъ былъ посланъ за границу отъ академіи для ознакомленія съ устройствомъ заграничныхъ анатомическихъ институтовъ и пріисканія заграницею ученаго прозектора для проектированнаго института. Исполнивъ, съ успѣхомъ, это порученіе, Пироговъ привезъ съ собою изъ заграницы молодаго прозектора, рекомендованнаго ему профессоромъ Гиртлемъ, сильно заинтересовавшаго Пирогова своими прекрасными анатомическими работами; выборомъ прозектора и самъ Пироговъ, и медико-хирургическая академія, по справедливости, могутъ гордиться. Молодой человѣкъ этотъ—знаменитый Груберъ, до сихъ поръ достойно подвизающійся на поприщѣ науки въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи.

Въ слѣдующемъ, 1847 г., Пироговымъ впервые примѣнена въ Россіи этеризація; эфированіе при операціяхъ примѣнялось имъ какъ въ госпитальной клиникѣ, такъ и въ городскихъ больницахъ: Обуховской, Петропавловской, Маріи-Магдалины и Дѣт-

ской, консультантомъ при которыхъ Николай Ивановичъ состоялъ, бесплатно, въ теченіи четырнадцати лѣтъ.

Опыты надъ животными, потомъ надъ людьми, навели Пирогова на мысль примѣнить эфированіе *per rectum*; результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ опубликованной имъ, въ 1847 г., книгѣ на французскомъ языкѣ: „*Recherches pratiques et physiologiques sur l'étherisation*“. St. Pét. 8°. 1847. I. Послѣ опубликованія только что названной работы, Николай Ивановичъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, былъ, по высочайшему повелѣнію, командированъ на Кавказъ, съ цѣлью примѣненія этеризаціи на театрѣ военныхъ дѣйствій. Благосклонно принятый бывшимъ намѣстникомъ Кавказа, княземъ М. С. Воронцовымъ, Пироговъ, въ теченіи шести недѣль, находился при осадѣ крѣпостнаго аула Салты; постоянные вылазки, подкопы, наконецъ, штурмованіе одной части аула,—все это доставило возможность Николаю Ивановичу подавать хирургическую помощь нѣсколькимъ сотнямъ раненыхъ, при чемъ, у всѣхъ, требовавшихъ оперативнаго пособія, онъ примѣнялъ эфированіе *per osu per rectum*, помощью придуманнаго имъ прибора, на самомъ полѣ сраженія. Здѣсь же онъ, впервые, на полѣ сраженія, въ сложныхъ переломахъ конечностей употребилъ крахмальные повязки, предложенныя, какъ извѣстно, бельгійскимъ хирургомъ Сетеномъ. Осмотрѣвъ, по порученію бывшаго директора военно-медицинскаго департамента В. В. Пеликана, всѣ кавказскіе военные госпитали, Пироговъ въ 1848 г., зимою, возвратился обратно въ С.-Петербургъ. Плодомъ его поѣздки на Кавказъ было появленіе въ свѣтъ (въ 1849 г.) его отчета на французскомъ языкѣ: „*Rapport médical d'un voyage au Caucase*“ съ атласомъ, статистикой всѣхъ произведенныхъ имъ съ анэстезированіемъ операцій, и съ его изслѣдованіемъ, на живыхъ и на трупахъ, различныхъ свойствъ огнестрѣльныхъ ранъ. На русскомъ языкѣ трудъ этотъ былъ опубликованъ въ журналѣ медико-хирургической академіи.

1848 годъ ознаменовался, какъ извѣстно, появленіемъ въ С.-Петербургѣ азіатской холеры; уже при разъѣздахъ его по Кавказу, Николай Ивановичъ имѣлъ случай, впервые, ознакомиться съ этой страшной гостьей. Холера сильно свирѣпствовала въ станицахъ и войскахъ и уже лѣтомъ того же года она стала собирать богатую жатву и въ нашей столицѣ. Пироговъ тотчасъ же

образовалъ въ своей госпитальной клиникѣ, для однихъ только больныхъ ціанотическою холерою, особое отдѣленіе и, въ теченіи шести недѣль разгара эпидеміи, произвелъ въ своемъ госпитальномъ отдѣленіи и другихъ городскихъ госпиталяхъ, свыше 800 вскрытій холерныхъ. Здѣсь не безынтересно замѣтить, что въ теченіи четырнадцати лѣтъ, занимая кафедру патологической анатоміи, Н. И. Пироговъ произвелъ свыше 11,600 вскрытій труповъ, составляя о каждомъ вскрытомъ имъ трупѣ подробный протоколъ.

Плодомъ неутомимой дѣятельности Николая Ивановича во время свирѣпствованія въ столицѣ азіатской холеры, наведшей, какъ извѣстно, панику не только на населеніе столицы, но и на врачей, было появленіе въ свѣтъ (въ 1849 г.) его замѣчательнаго труда, удостоеннаго отъ академіи наукъ большой Демидовской преміи. Трудъ этотъ именно былъ: „Патологическая анатомія азіатской холеры“, съ атласомъ *in folio*, на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Съ 1849 по 1852 г., не смотря на обширныя занятія его въ академіи, какъ профессора госпитальной клиники, патологической анатоміи, директора анатомическаго института и консультанта при больницахъ: Обуховской, Маріи Магдалины, Петропавловской, Дѣтской и Максимилиановской лечебницѣ, Н. И. Пироговъ находилъ время къ приготовленію новаго и извѣстнаго ученаго труда, именно анналовъ госпитальной клиники, изданныхъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾. Въ анналахъ этихъ онъ описалъ свою новую остеопластическую ампутацію въ суставѣ ноги, доставившую ему всемірную извѣстность. (Въ только что названной книгѣ, изданной въ 1854 г. въ Лейпцигѣ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ литографированныхъ таблицъ, собственно собрано нѣсколько монографій; въ 1-й части этой книги изложена операція остеопластическаго удлиненія голенныхъ костей, при экзертикуляціи стопы, затѣмъ, разсужденія о затрудненіяхъ при хирургическомъ діагнозѣ и „о счастіи въ хирургіи“, съ поясненіями и приложеніями исторіи болѣзни).

Послѣднее, только что названное, разсужденіе было написано

¹⁾ Betrachtungen über die schwierigkeiten der chirurgischen Diagnose und über das Glück in der Chirurgie, durch Beobachtungen und Krankheitsgeschichten erläutert. Leipzig. 1854.

Н. И. Пироговымъ подъ впечатлѣніемъ вопроса, дебатированнаго въ медицинскомъ совѣтѣ. Въ то время, именно, шла рѣчь объ новомъ экзаменаціонномъ уставѣ на пріобрѣтеніе степени доктора медицины и хирургіи. Уставомъ этимъ требовалось производство докторантомъ трехъ операцій, „съ счастливымъ исходомъ“. Николай Ивановичъ, авторитетнымъ своимъ мнѣніемъ, возсталъ противъ такого условія въ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, между тѣмъ какъ многіе товарищи Пирогова по медицинскому совѣту, старались именно это требованіе сдѣлать для докторантовъ обязательнымъ. Противъ мнѣнія Пирогова возстали, въ особенности, трое изъ наиболѣе уважаемыхъ и опытныхъ хирурговъ тогдашняго времени; борьба была не легкая; Николаю Ивановичу пришлось доказывать, что опытъ, ловкость и знаніе хирурга отнюдь не обезпечиваютъ счастливаго исхода какой-либо предпринимаемой операціи, и что по исходу операціи нельзя судить о компетентности въ хирургіи кандидата. „Къ чему же“, — замѣчали противники Пирогова, „служить блестяще выполненная операція, когда ею больному не приносится надлежащей помощи, или даже, если, вслѣдствіе ея, больной умираетъ?“ Такого рода мнѣніе, высказанное компетентными въ то время хирургами, казалось для непосвященныхъ въ дѣло непогрѣшимымъ доводомъ въ пользу ихъ мнѣній. Повторяю, — борьба была не равная, но, при неумолимой строгой логикѣ нашего геніальнаго хирурга, доводы его противниковъ, къ счастью, не имѣли успѣха. Что случилось бы, въ самомъ дѣлѣ, съ врачами-хирургами, ежели бы производимыя ими операціи были обсуждаемы съ точки зрѣнія оппонентовъ Пирогова, ставившихъ всю судьбу врача на мистически-фаталистическую почву? И не только условія эти на пріобрѣтеніе степени доктора хирургіи могли бы быть роковыми для хирурговъ, съ точки зрѣнія ихъ научной подготовки, но онѣ могли бы еще дать богатую почву для привлеченія врачей къ отвѣтственности за ошибки противъ науки.

— „Гдѣ“, — спрашиваетъ. Пироговъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, „границы успѣха хирургической операціи, гдѣ критерій счастливаго успѣха ея? Счастливый исходъ не только не указываетъ на достаточную ловкость оператора, но, напротивъ, по мнѣнію моему, иногда свидѣтельствуешь, что операція произведена

дурно и не искусно. Это кажется парадоксомъ, тѣмъ не менѣе, это совершенная истина“.

Ежели бы оппоненты Пирогова, извѣстные въ свое время хирурги, могли предвидѣть, что черезъ 15 лѣтъ, профессоръ хирургіи медико-хирургической академіи, многоопытный операторъ, будетъ привлеченъ за ошибку противъ науки, по случаю несчастнаго исхода операціи, къ уголовной отвѣтственности (мы, именно, имѣемъ въ виду извѣстный процессъ покойнаго профессора Киттера, по жалобѣ вдовы Ридманъ, по случаю смерти ея мужа послѣ произведенной послѣднему операціи: ампутаціи части языка вслѣдствіе раковой опухоли), то, вѣроятно, они съ меньшимъ упорствомъ отстаивали бы свое мнѣніе ¹⁾.

За только что названною работою, имѣющею не только громадное научное, но и общественное значеніе, застала Николая Ивановича восточная война. Ознакомившись при осадѣ Салты съ различнаго рода невыгодами крахмальныхъ повязокъ Сетена въ полевой хирургической практикѣ и зайдя, случайно, однажды къ скульптору, онъ познакомился съ гипсованіемъ холста. Случай этотъ навелъ Пирогова на мысль примѣнить гипсованный холстъ къ наложенію неподвижныхъ и съемныхъ гипсовыхъ повязокъ. Испытавъ ихъ въ госпиталѣ, въ различныхъ видахъ, и достаточно убѣдившись въ ихъ удобствахъ, онъ описалъ гипсовую повязку во второй части своихъ клиническихъ анналовъ, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ томъ же 1854 г. и въ особой брошюрѣ, на русскомъ языкѣ: „Неподвижная гипсовая повязка“. Въ этотъ же періодъ времени, Н. И. началъ издавать выпусками свой знаменитый атласъ, съ текстомъ, на издженіе академіи, подъ именемъ:

„Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplice directione ductis illustrata“ (1854—1859).

Между тѣмъ, насталъ 1853 г.; война съ береговъ Дуная перенеслась въ 1854 г. подъ Севастополь. Кто могъ бы повѣрить, что въ тяжелую эпоху Крымской войны, когда тысячи людей гибли за родину отъ жестокихъ вражьихъ снарядовъ, а всего болѣе отъ неурядицы и неумѣлости бывшихъ дѣятелей этой войны, долженствовали охранять здоровье и жизнь доблестныхъ за-

¹⁾ Сравни объ отвѣтственности врачей за ошибки противъ науки. „Мед. Вѣстникъ“ 1869 г. № 42. I. В. Бертенсонъ.

щитниковъ знаменитой русской твердыни,—когда такой, уже въ то время, извѣстный хирургъ, какъ Пироговъ, самъ себя предложилъ къ услугамъ осады, онъ только послѣ значительныхъ хлопотъ добился разрѣшенія отправиться въ Крымъ?!

II.

Извѣстная необыкновеннымъ, свѣтлымъ умомъ покойная великая княгиня Елена Павловна, вліяніемъ своимъ неоднократно выдвигавшая, при жизни своей, многихъ замѣчательныхъ людей изъ той среды посредственности, которая заглушала всякій талантъ и не давала хода людямъ науки, свѣта и, не затемненнаго узкимъ бюрократизмомъ, разума, познала и въ Пироговѣ, не только двигателя науки, но и замѣчательнаго общественнаго, въ высшей степени честнаго, дѣятеля. Великая княгиня Елена Павловна не только содѣйствовала Н. И. Пирогову къ отправленію его въ Севастополь, но поручила ему руководить занятіями организованной ею тогда крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія; въ послѣдствіи такое порученіе — руководить занятіями сердобольныхъ вдовъ, дано было ему и по волѣ покойной Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны; кромѣ сего, великая княгиня Елена Павловна предоставила Николаю Ивановичу сформировать, по своему усмотрѣнію, небольшую корпорацію врачей-хирурговъ на ея иждивеніе, съ тѣмъ, чтобы они находились въ непосредственномъ его вѣдѣніи, и нигде не назначались военнымъ вѣдомствомъ, безъ его согласія; въ числѣ послѣднихъ были доктора: Каде, Оберъ-Миллеръ, Хлѣбниковъ, Беккеръ, Тарасовъ и другіе.

— „Всегда и вездѣ во время войны и другихъ общественныхъ катастрофъ находятся люди, готовые пожертвовать и общественными интересами для своей личной выгоды; слѣдовательно, нѣтъ ничего мудренаго, что злоупотребленія“, — писалъ въ послѣдствіи Пироговъ, — „обнаруживаются болѣе, чѣмъ когда нибудь и въ госпитальной администраціи. И какъ злоупотребленія эти обнаруживаются преимущественно въ такихъ вещахъ, какія для благосостоянія и здоровья больныхъ несравненно важнѣе, чѣмъ всѣ медицинскія пособія, то понятно, что врачъ не можетъ къ нимъ

относиться равнодушно. Какъ бы онъ низко ни стоялъ на ступени іерархической лѣстницы, но коль скоро ему поручено леченіе хотя нѣсколькихъ больныхъ, его прямая обязанность не скрывать предъ начальствомъ того, что можетъ, по его убѣжденію, вредить больнымъ, и онъ будетъ недостоенъ своего призванія когда изъ неумѣстнаго страха или личныхъ расчетовъ удержится заявить правду тамъ, гдѣ идетъ дѣло о пользѣ его больныхъ. Всякій врачъ долженъ быть, прежде всего, убѣжденъ, что злоупотребленія въ такихъ предметахъ, какъ пища, питье, топливо, бѣлье, лекарства и перевязочныя средства, дѣйствуютъ также разрушительно на здоровье раненыхъ, какъ госпитальныя міазмы и заразы. А главные врачи должны помнить, что, требуя отъ младшихъ собратьевъ необходимую въ военномъ вѣдомствѣ субординацію, они не должны употреблять ее во зло, какъ средство, заставляющее скрыть истину“.

Такъ думалъ Пирговъ, ставя на видъ, что бѣольшая часть раненыхъ не столько умираетъ отъ самыхъ поврежденій и операцій, сколько отъ госпитальныхъ заразы и отъ недостатковъ въ администраціи.

„Къ чему служатъ всѣ искусныя операціи, всѣ способы леченія“, — спрашиваетъ Николай Ивановичъ, — „если раненые и больные будутъ поставлены администраціею въ такія условія, которыя вредны для здоровья, а это случается зачастую въ военное время. Отъ администраціи, а не отъ медицины, зависитъ и то, чтобы всѣмъ раненымъ, безъ изъятія и какъ можно скорѣе, была подана первая помощь, нетерпящая отлагательствъ“. И эта главная цѣль обыкновенно не достигается. „Представьте себѣ“, — говоритъ далѣе Пирговъ въ своемъ классическомъ сочиненіи: „Начала общей военно-полевой хирургіи“, откуда мы и почерпнули вышеприведенныя слова его, „тысячи раненыхъ, которые цѣлыя дни переносятся на перевязочные пункты, въ сопровожденіи здоровыхъ; бездѣльники и трусы, подъ предлогомъ состраданія и братской любви, всегда готовы на такую помощь и какъ не помочь и не утѣшить раненаго товарища! И вотъ, перевязочный пунктъ быстро переполняется сносимыми ранеными; весь полъ, если пунктъ находится въ закрытомъ пространствѣ, (какъ, на прим., это было въ Николаевскихъ казармахъ и дворянскомъ собраніи Севастополя) заваливается ими; ихъ складываютъ стѣ-